

О. Ф. ЖОЛОБОВ

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕРУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. II: '1', '3', '4'

1. *Одинъ* или *одынъ*?

И.-е. праформа	* <i>ou-no-</i>
Ожидаемые слав. праформы	* <i>oĭno-</i> // * <i>eĭno-</i> > * <i>ěнь</i> // * <i>inъ</i>
Реальные слав. праформы	* <i>ed-eĭno-</i> , * <i>ed-ino-</i> > * <i>edinъ</i> , * <i>edynъ</i>
И.-е. порядковые праформы	* <i>rĭ-mo</i> , * <i>rĭ-wo</i>
Слав. порядковая праформа	* <i>ryrnъ(jь)</i>

Исходная формация числительного '1' представлена в дериватах-кальках: **ннокъ** *μονός*, **ннорогъ** *μονόκερως*, **нночадъ** *μονογενής* и под. Другая индоевропейская формация — **sem-* '1' — отложила в славянском определительном местомении **samъ* [Vaillant 1958: 471 и сл.].

Числительное '1' в древнерусской письменности имело разные огласовки — нейтральную, разговорную *одинъ* и отмеченную, церковнославянскую *единъ*. Как уже указывалось, от индоевропейской формации славянское числительное отличается дополнительным дейктико-эмфатическим компонентом **ed-* (или двумя — **ed-e-*). Числительное '1' имело местоименное склонение твердой разновидности. Чередование **-i-* < **-eĭ-* // **-b-* < **-i-* может отражать полную и нулевую ступени чередования, связанные с противопоставлением основ мужского и женского рода [Напр 1973: 4]. Однако распространение краткой основы за рамки женского рода скорее всего свидетельствует о том, что противопоставление основ соотносилось с независимым (счетная функция) и связанным (количественная функция) употреблением числительного. Так, в Супрасльской рукописи форма И—ВП ед. ч. муж. р. **ѣдинъ** довольно последовательно противопоставлена основе **ѣдын-** в других формах. Кроме Супр, эта основа однажды встречается в Зогр: **ни ѣдного же** Ио. 10, 41. Ср. также в Изб 1073, 195, переписанном в Киевской Руси: **до възглашения крѣпа отъ алъкавъше свитаѣшги ѣдънои отъ сѣботъ. ѣже естъ недѣла**. А. Вайан [1952: 184] считал последние формы свойственными народному языку, а потому редкими в церковнославянской письменности. Н. Ван-Вейк [1957: 139] видел здесь сокращение гласного,

«вызванное особыми интонационными отношениями», что равносильно установлению специального фонетического правила для отдельного слова.

В [ССС 1994], как и в Словаре Срезневского [Срезн. I—III], даются две статьи — **ѣДИНЪ** и **ѣДЬНЪ**. Однако если основа с кратким гласным существовала, то форма ИП муж. рода такого типа не употреблялась, так как была тождественна счетной. Это не могло не иметь далеко идущих последствий — **обобщения сильной основы**, связанной со счетным рядом. Рефлексы обеих основ представлены во всех славянских группах, и их следовало бы считать **общеславянскими**. Южнославянские и западнославянские формы числительного восходят к основе **edьn-*, кроме болгарского и верхнелужицкого, которые связаны с двумя основами — **edin-* и **edьn-*: болг. *един, еднá, еднó*; серб. *jèдан, jèдна*; слвн. *édан, éна, éно*; чеш., слвц. *jeden, jedna, jedno*; пол. *jeden, jedna, jedno*; в.-луж. *jedyн, jena*; н.-луж. *jaden, jana* [Фасмер III: 122; Кореѣнý 1981: 105]. Однако в прилагательных «единый, единственный» представлена лишь этимологическая основа с долгим гласным (ср. пол. *jedyнy* ‘единственный’). Ясно, что номинативная форма на *-en-* < **-ьn-* является результатом вторично го выравнивания основы — так же, как и праславянская форма **edina*.

В древнерусском языке основа с редуцированным гласным фиксируется лишь в Изб 1073. Остальные примеры встречаются в более поздних текстах, чем, вероятно, и объясняется скепсис в отношении исконного характера основы *одьн-*. Так, наиболее ранний пример этого типа А. А. Зализняк [1995: 367] толкует фонетически (сокращение гласного *-и-*), склоняясь, с другой стороны, к возможному признанию обычной описки. См.: ни тоу тобъ тощины въкъш *одное* ГрБ № 222 (к. XII — перв. четв. XIII вв.), где, как представляется, *одное* = *одьноѡ* < *одьноѡѡ*. А. А. Зализняк считает другое истолкование затруднительным, поскольку в грамотах и в XIV в. сохраняется основа *один-*. Однако нужно заметить, что с середины XIII в. краткая основа отмечается сразу в нескольких источниках (см.: аже кто въс(ту)питеѡ на сю грамо(т)оуѡ да не со мноуѡ съ *однымь*ѡ станеть прѣ бмьѡ съ всимь моимьѡ племенем(ь) Гр ок. 1255—1257; Роусиноу не оуперати латинина *однемь* послухоумь Гр 1229 сп. 1277—1279 (смол.), 8а; *одна* область на двѣ области не дѣлитель(с) КР 1284, 94в; еже чл(в)къ причащавьсѡ. а спавь блюеть томь дни. *одна* ре(ч) опитемьѡ. нако спавше тако и не съпавьше КН 1285—1291, 537г¹), а в Новгородской первой летописи она фиксируется под 1218 г.: и съидошасѡ бра(т)на въкоупѡ. *однодино* и кр(с)тъ цѣловаша ЛН XIII₂, 91.

2. Раннедревнерусский квантитатив одного

В семантике числительного ‘1’ сказывается этимологическая связь с дейкисом. Поскольку в речи его употребление связывается с определенным пред-

¹ Данный контекст относится к источнику, дошедшему в списке КН 1285—1291 (л. 518б—539б), но возникшему гораздо раньше, — Вопросам Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, 1130—1156 гг.

метом или лицом, собственно количественное значение может осложняться смысловыми приращениями, создаваемыми различными референтными ситуациями: 'один — без других', 'один — отдельный', 'один — единый' и под. Поэтому числительное '1', в отличие от других числительных, является многозначным словом. Вторичные значения у числительного '1' развивались в разных языках. На это наглядно указывают греко-славянские параллели. Хотя полисемия — рутинная, природная черта лексического строя языка, числительные ее полностью лишены, если не считать начала счетного ряда.

В исторических словарях в описании числительного '1' нет единства и определенности. В [ССС 1994: 799—800, 801—802] собственно количественное значение связывается с числительным **ѦДИНЪ** (и **ѦДЪНЪ**), а четыре остальных значения, в том числе с количественным компонентом, отнесены к местоимению **ѦДИНЪ** (и **ѦДЪНЪ**) даже в примерах с очевидно не прономинальной семантикой. Тем не менее оба слова — числительное и местоимение — в [ССС 1994] помещены в одну словарную статью. В [СДРЯ VI: 84—85], где *одинъ* характеризуется как «числовое слово», помимо собственно количественного, указаны также 4 значения (без каких-либо частеречных определений и с небольшими отличиями от [ССС 1994]). В [СДРЯ III: 198—200] лексема *единъ* (*единый*) характеризуется иначе — как числовое слово и прилагательное. Не указано, как между этими двумя дефинициями распределены 8 выделенных значений. Сам термин «прилагательное» здесь неуместен, так как слово *единъ* имеет исконное местоименное склонение. Образования членно-адъективного характера *единый* и *единое* встречаются в иллюстрациях словаря лишь однажды и имеют окказиональный характер. В [СлРЯ XI—XVII 12: 262—264] все 11 выделенных значений числительного *одинъ* находятся в границах единой лексемы и не связываются с ее семантическим распадом, что ближе всего к реальному положению.

Другое отличие числительного *одинъ* от прочих числительных также объясняется его особым, первым местом в счетной последовательности, вследствие чего оно может употребляться в одном ряду с порядковыми числительными, ср.:

такъ бо дѣвоѣ се злыо сътворихомъ. *одио* нако заповѣди оца нашего прѣстоупи-
хомъ. *вѣторое* нако къ бѣж надежда наша. не имамъ. нѣ въ житьницу нашу
ПС к. XI, 59 об.; поставиша на на тронѣ *Ѧдиноу* часть подъ мечъ · а *дрогоую*
продати · а *третиюю* въ тѣмьници затвориша Злат XII, 72 об.; и оузрьѣ три
моужа бѣлы одежда имоуща стояща оу епифана · *Ѧдиноу* одесноюу а *дроуга-*
го ошоуюю · а *третиаго* съ прѣдънала страны СБУ XII/XIII, 162г.

Та же черта характеризует это числительное в греческом, особенно новозаветном [см. Вейсман 1899: 380] (ср.: си же по *Ѧдиномъ* и *вѣторѣмъ* и *третиимъ* оумолениѣмъ еп(с)па да бывають КЕ XII, 15b, ταῦτα δὲ μετὰ μίαν καὶ δεῦτερον καὶ τρίτην τοῦ ἐπισκόπου παράκλησιν γινέσθω; однако славянский переводчик, свободно владея этой конструкцией, может видоизменять в переводе исходный текст, выстраивая счетную последовательность: трѣмъ же рече рѣкамъ быти въ раи · *Ѧдиноу* медоу · а *дрогоую* млѣка а *третиюю*

вина КЕ XII, 274a; *τρεῖς δὲ φησι ποταμούς εἶναι ἐν τῷ παραδείσῳ, ἕνα μέλιτος καὶ ἄλλον γάλακτος καὶ ἕτερον οἴνου*).

Числительное *одинъ* согласовывалось с относящимся к нему существительным, образуя особую квантитативную конструкцию, но могло употребляться и самостоятельно. Противопоставление восточно- и южнославянских форм выражалось не только фонетически (*одинъ* vs. **ѢДИНЪ**), но и морфологически: в РП жен. рода разговорная форма *одиновъ* отличалась от книжной *ѡдинога* < ст.-сл. **ѢДИНОГА**. См., например:

ИП муж. р.: сътвори плачь и рыдание. *днѣ ѡдинъ* или *дѡва* Изб 1076, 153 об.; *азо не едино* былъ ·ар·амирь а инихо моуже ·г· ГрБ № 548 (50 XII — 10 XIII); се же все дѣйствоуеть *одинъ* и самъ тѣ дхъ СБУ XII/XIII, 281г;

ИП сред. р.: Съставы троє, аще и естъствѣмъ *едино* бжѣство естъ Мин 1096, 34б; *дѡвѣ* варивѣ... и сочиво *ѡдино* УСт к. XII, 210 об.; прилѣплаиася любо-дѣицѣ. *ѡдино* тѣло естъ Ап 1220, Кор. I: 6,16;

ИП жен. р.: елма ни *едина* ластовица весны творить: ни чръта *едина* землемѣрца: ни плоутиѣ *ѡдино* морнанина ГБ XI, 13a—б; иванкъ с ѡдѣтею *одина* дш(а) Надп сер. XII (3); *одина* ѣсть любви а двѣ заповѣди БГД XIII, 168a;

ВП муж. р.: имаше *одинъ* золотъникъ ПС к. XI, 82 об.; възградити цркъвь... въ врхъ въ *одинъ* СБУ XII/XIII, 20в (СкБГ); испрагъ волю *ѡдинъ* дасть ѡмоу ПрС XII/XIII, 76б;

ВП сред. р.: дѡвое се злыо сътворихомъ. *одино* како заповѣди оца нашего прѣстоупихомъ. второе како къ бжѣ надежда нашеа не имамъ ПС к. XI, 58; ключиса оубо лѣто *ѡдино* отьлоучитиса а три лѣта припадати КЕ XII, 81б; добре тѣло цркъвнѡе въ *ѡдино* съвъкоупивъ ЖФСт к. XII, 96;

ВП жен. р.: твора... дѡвѣ млтвѣ. *одиному* о старьци а држгжж за са ПС к. XI, 163 об.; въ *ѡдиному* ноцъ сьгрѣшивъ и по вса ноци плакаса Злат XII, 24; пою(т)· ка(ѡ)· *одиному* УСт к. XII, 60 об.;

РП нежен. р.: и ни *ѡдинога* же сжмнѣниа приѣмлете ПсЧ XI, 53a; не даите савѣ ни *одиного* песца хота на нихъ емати ГрБ № 724 (1166/1167); ѡсмь де-сать... лѣ(т)· безъ *ѡдинога* ЖФСт к. XII, 97;

РП жен. р.: братъ из *одиное* матере ПсЧ XI, 148г; проса оу него *одиное* златица... дати емоу ПС к. XI, 129; желати капла *ѡдиное* Злат XII, 26;

ДП нежен. р.: оунѣ ѣсть *ѡдиному* чл(о)вкоу оумрети за люди ЕвМст к. XI, 150a (Ио. 18, 14); и по *ѡдиному* ны изводна. раны данаше комоуждо по тысоуши ЖНК к. XII, 30 об.; поеть(с) ·г· чл(с)· по *ѡдиному* п(с)лмоу УСт к. XII, 23 об.; рѣзахоу бо по *ѡдиному* оудоу Пр XII/XIII, 72в;

ДП жен. р.: ѡдинъ бо ѡдинѣмъ къ *ѡдиноу* посыланъ бы(с) Злат XII, 101 об.; приемлють ѡ него по *одиной* свѣчи УСт к. XII, 125; не идоша ни къ *одиной* же келии· нѣ цркви оустръмишася СБУ XII/XIII, 46в;

МП нежен. р.: вънезапоу въ *ѡдиноу* часѣ мърче и бысть ноцъ Злат XII, 69; *одиному* ти мѣ[сте] ГрБ № 227 (60—70 XII); написахъ еуагглие. и ап(с)лѣ. обоє *одиному* лѣ(т) ЕвМилят к. XII, 160 (зап.); стоиши же обо *одиному* оцѣ двѣци... оуканоу капла... въ око ена ослѣпшее ПрС XII/XIII, 40в;

МП жен. р.: искрѣнаго своего възлюби. съ нимъ же въ *одиной* коупѣли породиса Изб 1076, 45; не двѣ ли птици на *ѡдиной* мѣрѣ продаѣтася ЕвМст к. XI, 33б

(Мф. 10, 29); на *єдиною* сѣдалищи творѣше обѣдовати ЖФСт к. XII, 161; ни въ одежду облечеса· нъ въ *єдиною* свитѣ си пребывааше СбУ XII/XIII, 34г (ЖФП);

ТП нежен. р.: *єдинѣмь* оужьмь тыслащю моужь съвѣзавъ· Злат XII, 77; *одинѣмь* бо перьмь орьль на высоту не възлетитъ СбУ XII/XIII, 191г; съ *єдинѣмь* воломь ПрС XII/XIII, 76б; ни *єдинѣмь* же мыслнымь хотѣниемь· ѡхапаютьсѧ БГД XIII, 85в;

ТП жен. р.: и кланѣщю сѧ три десѧти начръташе старьць. *одинокъ* чрьтоуж ПС к. XI, 129 об.; Тричисленною *єдиною* блѣдтию сияюще Мин ок. 1095, 108а; *єдиною* боурею· ѡблаки възмѣтеть БГД XIII, 5г.

Со словами *pluralia tantum* употребляется мн. ч. числительного *одинъ*, *единъ*:

нако *єдинѣми* оусты бѣ. отъвѣшаста ємоу съ слъзами ПС к. XI, 20; и разоумѣи како ѡба ѿ *єдинѣхъ* чресль єсвѣ Злат XII, 81 об.; и прочеє пррци <так!> · дѣва на десѧте въ *єдины* кнѣигы причитаєми КЕ XII, 216б; оставивъ *двѣрцьѧ* малына *єдины* СбУ XII/XIII, 293в; повелѣвъшю хытрьцемь *єдины* *двѣрцьѣ* створи ти ПрС XII/XIII, 79а.

Числительное *одинъ*, *единъ* последовательно отражает складывающуюся категорию одушевленности, или значение мотивированного муж. рода (см. [Жолобов 1998: 33—34]) начиная с древнейших текстов, ср.:

видѣ дѣва аѣгла... сѣдяща· *єдино*го оу главы· и *єдино*го оу ногу· идеже бѣ лежало тѣло іѣво СавКн XI, 158б; иже аще *єдино*го таковыихъ отрочѧть прииметь въ имѧ мое мѧ прииметь ЕвР XI, 3б (Мк. 9, 37); и поимъ епискоупъ старьца *єдино*го гѣа ємоу ПС к. XI, 16; мы отъ любодѣянина нѣсмь рождени. мы *єдино*го оѧца имаамъ бѧ ЕвМст к. XI, 14г (Ио. 8, 41); *єдино*го бѧ надъ всѣмь славословимъ Мин 1096, 33б; Едина *єдино*го ѿ трѣца родила єси 120б.

Форма В—РП ед. ч., передающая это значение, употребляется в отдельных случаях даже более устойчиво, чем у местоимений (где сохраняется энклитический ВП) и существительных (где в сред. роде мотивированность родового значения не отражается); ср.:

Стославьна тѧ оученика, *єдино*го ѿ диаконъ седми избѣрана оувѣдѣхомъ Мин 1096, 29а; нъ єгда обрѧщещи· сѣгрѣшьшааго· призови и *єдино*го · да ово запрѣти ово оумоли· да отступитъ ѿ зѣла Злат XII, 50 об.; познати тѧ *єдино*го блага и члѣволобыцѧ бѧ СбУ XII/XIII, 295б; оубиєни быша отъ сквърньна оубицѧ ирода· занє ѿ нєго възисканонє погубити· *єдино*го *отроча* КЕ XII, 230б.

Порядковые корреляты первых двух числительных были образованы от других корней, нежели количественные числительные. В генетическом плане это свидетельствует об особой архаичности начальных слов счетного ряда, что имеет отчетливые типологические параллели.

3. *Единьи и едине*

В раннедревнерусском языке последовательно сохраняется местоименное склонение. Членно-адъективное склонение выступает как речевое, контекстуально обусловленное явление:

тѣмъ начало саи днѣмъ· не първыи отъ мосѣна нареченъ бысть· нъ єдинъ· бысть бо рече вечеръ· и бысть оутро днѣ одинъ· како томоу ѡбиходящю многашьды· и єдинъ оубо тъ же· и *семьи єдиньи* въ истину тъ· и истиньныи осмыи КЕ XII, 205b; всака же пантикости· чаємааго въскрѣшениа· въ вѣцѣ єсть въспоминаниє· *єдиньи* бо тъ и *първыи* днь· семь краты· семь семь семию· бывъши семи недѣль· сѣньна пантикости съвършаєтъ КЕ XII, 206a.

Формы членно-адективного типа, которые нельзя не признать окказиональными, встречаются очень редко, являясь образцами своеобразной грамматической символики:

на недвижимѣмъ хѣ камене· заповѣдии ти цркъвь свою оутвърди· *єдиньи* блаже и члволюбче МинД XI, 14a; Безначальнаа и несъзданаа трѣце, єдинство нераздѣльноє, бѣ, *єдиноє* присносоущєє бжство и соущество и зракъ юже трѣми лици и пою и поклоняю с.а Мин ок. 1095, 94a; влдо *єдиньи* без грѣха· призьри сѣ нбсе стго твоего на насъ оубогыхъ СБУ XII/XIII, 17г (СкБГ); творьць свѣтовьныи· не трѣбовааше видимаго свѣта имѣна *єдиньи* бесъмьртнє СБУ XII/XIII, 204б; и въздвиже очи свои на нбо и рече· *єдиньи* без грѣха не прѣзьри дѣль роукоу твоею 295a; помоли с.а бви и рече· *єдиньи* без грѣха *єдиньи* стєи и на стѣихъ почиваиаи· *єдиньи* члвколюбче· и мл(с)рдьи вл(д)ко 296г; Си же вс.а дѣлаєтъ· *єдиньи* тъ же дхъ· раздѣлаа· комоужьдо БГД XIII, 203a.

Аналогичные формы в старославянском А. Вайан [1952: 189] связывал с семантизацией морфологических различий, т. е. развитием вторичного значения ‘единый’, когда числительное, на его взгляд, выступает в роли прилагательного.

Исключительно редки именные формы, которые ограничены Зв.:

іс хѣ бе (в ркп. пропущено титло) моі. ты єси ѡче сианиє. Бесъмьртнє *єдинє* ЖНК к. XII, 8; тѣмъ мы въ безаконихъ, безгрѣшнє *єдинє* сьрдьчєвѣдъче, тебе молити всьгда съдързаємъ Конд XII/XIII, 31b; *єдинє* чловѣколюбче, тебе молюс.а и къ тебе припадаю 97b; оущедри м.а *єдинє* безгрѣшнє· и сїси м.а *єдинє* блаже СБУ XII/XIII, 303в.

Все они относятся к именованиям Иисуса Христа, а потому являются выразительными примерами грамматического символизма. Формы вокатива здесь столь же аномальны, как и в следующем сходном случае символического употребления грамматической формы:

Дрѣвле бесплоднаа развързль еси чрѣвеса, блгодѣтелно члвколюбче· съ ни миже бмоудръныа аьны ѡвързль еси, *слове*· родила бо єсть намъ мтръ и ббпринатъны источь(нікъ) Мин ок. 1095, 576².

² Ср. также: како на дрєвѣ кр(с)тнѣмъ расплѣтс.а долготерпе. како руцѣ твои и нозѣ *слове*. пригвоздишас.а о(т) безаконных. и кровь свою изли.а.ль еси вл(д)ко Мин XIV—XV, 28 об. Существительное сред. рода *слово* в вокативе должно было иметь форму, омонимичную номинативной. Словоформа *слове* отражает смысловой мужской род, поскольку здесь эта лексема обозначает Сына Божьего — вторую ипостась Троицы [Жолобов 1990: 91]. Кроме того, не исключено непосредственное влияние греч. формы Λόγος.

4. Раннедревнерусский малый квантитатив

Числительные '3' и '4'

	'3'	'4'
И.-е. праформы	* <i>trey-es</i>	* <i>k^wetur-</i>
Ожидаемые слав. праформы	* <i>trejes</i> > * <i>trъje</i>	* <i>četyre</i>
Реальные слав. праформы	* <i>trejes</i> > * <i>trъje</i>	* <i>četyre</i>
И.-е. порядковые праформы	* <i>tre-tiyo-</i>	* <i>k^wetwŕ-to</i>
Слав. порядковые праформы	* <i>tretъjъ(jъ)</i>	* <i>četvŕtъ(jъ)</i>

Числительные '3' и '4' в раннедревнерусском языке сохраняли особенности, возникшие у них в праславянском языке. Учитывая синтаксические свойства, эти слова принято считать прилагательными. Однако морфологически они никак с прилагательными не связаны. Это слова *pluralia tantum* *ŕ*-основы и основы на согласный:

	Мужской род	Немужской род	Общий род		Мужской род	Немужской род	Общий род
ИП	<i>трыѣ</i>	<i>три</i>	—	ИП	<i>четыре</i>	<i>четыри</i>	—
ВП	—	—	<i>три</i>	ВП	—	—	<i>четыри</i>
РП	—	—	<i>трии</i>	РП	—	—	<i>четырь,</i> <i>четырь</i>
ДП	—	—	<i>трѣмъ</i>	ДП	—	—	<i>четырьмъ</i>
МП	—	—	<i>трѣхъ</i>	МП	—	—	<i>четырьхъ</i>
ТП	—	—	<i>трѣми</i>	ТП	—	—	<i>четырьми</i>

В РП наряду с исконной формой *четырь* издревле отмечается форма *четырь*, возникающая в результате обобщения основы со смягченным согласным *r*, который был исконно представлен во всех падежных формах, кроме РП. Варьирование форм здесь отмечалось и в старославянских памятниках [Вайан 1952: 186].

Числительные *трие* и *четыре* образуют особое количественное выражение — малый квантитатив, который имел свойственные только ему морфосинтаксические параметры. См. в раннедревнерусских памятниках:

ИП муж.р.: ти бо *триѣ* или *четыре* прѣбывъше въ зьловѣрии еллини ПсЧ XI, 68a; *триѣ* бѣхомъ пастоусѣ ПС к. XI, 12; сѣи *четыре* събори иже въ никеи 124; боудеть бо отъселѣ пать въ ѣдиномъ домж раздѣленъ. *триѣ* на два и дьва на три ЕвМст к. XI, 88a (Лк. 12, 52); не вы ли глѣте іако еще *четыре* мѣсаци соуть и жатва придетъ 15г—16а (Ио. 4, 35); Любвьью распалающе сна чѣстьнына тройца *триѣ*, съвьршисте великына подвигы Мин ок. 1095, 1166; поють же с.л ка(н)ни *триѣ* 179 об.; *четыре* звѣри велици СлИп к. XII, 22a³; *триѣ* же моужи приходяще к неи: папа· и патерь· и филокоуръ ПрС XII/XIII, 20a;

³ Здесь *звѣри* вместо *звѣрие* по образцу **jo*-склонения.

лительного *два*. Это объясняется тем, что для числительных она должна была иметь преимущественно синтаксическое значение, а в двойственном и множественном числе существительных данная категория лишь начинает складываться с конца XII в. (см. [Крысько 1994: 97 и сл., 104 и сл.]).

Отмечен пример оформления количественного сочетания по типу большого квантитатива, где РП мн. ч., вероятно, имел дистрибутивно-партитивное значение:

М(с)ца· септ(б)а· въ ·й· на рож(с)тво бѣи· хлѣбомъ *споуды* ·г· вина мѣры ·г·
 М(с)ца то(г)· въ ·дѣ· на въздвиъгъ чьстнаго кр(с)та· хлѣбомъ *споуда* ·в· вина
 мѣра· М(с)ца· ноамь(б)ь· въ аї· пам.а(т) прп(д)бнго оц.а ееодора· хлѣбомъ
споудовъ ·с· вина мѣръ ·й· коутии *споудъ* ·с· сочива *споудовъ* ·д· УСт к. XII,
 244—244 об.; хлѣбомъ *споудовъ* ·д· вина мѣрныхъ ·с· коутии пшеницѣ *споуды*
 ·г· сочива *споуда* ·в· 244 об.

5. РП *три*

В некоторых памятниках наряду с исконной представлена стяженная форма РП *три* (вместо *трии*), которая кроме фонетического может иметь морфологическое объяснение — влияние РП числительных большого квантитатива *пяти*, *шести* и под.:

Юко отъ *три* десять попрышь ПС к. XI, 17; до *три* днѣ 73; до *три* часъ 105 об.; дасть ѹмоу до *три* сътъ сребрьникъ великъ 132 об.; обаче *три* отрокъ не искоуси нарость звѣрьскаа ни огнь сънѣдаа Мин ок. 1095, 90а; Трѣскы ѹдино бещисльно сильно ѹествово славаще, едино пресъвьршеное ѿ *три* съвьршенъ въспоимъ Мин 1096, 34а; Бѣиѹ жилище въ цркъвь стоую приводитьс.а, бѣа мѣра, плътию *три* лѣтъ соущи 124а; пам.а(т) стоу бесребрьникоу· и инѣхъ *три* братии· анфима· леонти.а· и еприпи(а) ПрС XII/XIII, 26а; страсть стыхъ *три* ѡтрокъ 92а.

О предпочтительности морфологического решения свидетельствуют примеры составных числительных типа *три* *десять* (как *пяти* *десять*).

В КЕ XII «усеченная» форма представлена почти исключительно в составных числительных, в том числе рядом с формами большого квантитатива. См.:

отъ днѣ того мьнѣ *трии* лѣтъ възискати 161b; прѣжде *трии* каландъ окт.амбр.а 176а; не быти мьнѣ *трии* поставляющихъ 177а; ни отъ *трии*· ни отъ дѣвою еп(с)поу 177b; мьнѣ *трии* м(с)ць 297а; аще ли мьнѣ *трии*· не мьне же дѣвою литроу злата 298а и под.

vs.

дев.аагаго събора... шести сътъ и *три* *дес.а*тъ стыхъ оцѣ· правилъ ·кн· 12b⁵; шести сътъ и *три* *дес.а*тъ стхъ и блѣжныхъ оцѣ 43а; Попъ прѣже *три* *дес.а*тъ лѣтъ да не поставленъ боудеть 85b; не мьнѣ *три* *дес.а*тъ литръ злата 298а.

⁵ Ср.: отъ шести сътъ *три* *дес.а*тъ богоносныхъ отъць заповѣдъ примѣши и хранащи, прѣхвальнаа (Евфимия) Конд XII/XIII, 6а.

Форма РП *три* лишь дважды встрети́лась вне числового сочетания: мьнѣ *три* лѣтъ 161b; прѣже *три* каландь 164b.

6. ВП *трии*

В ГрБ № 776 (30—50 XII) встрети́лось несколько количественных выражений и среди них необычная форма ВП *три̑* (вместо *три*):

грамота отъ їли ї отъ дѣмитра плъсковж ко либинж : ко мостокѣ то ти матьль въ поло *гривнѣ* · ложьнике въ *цетыри кжнѣ* юбржсе въ *три̑ кжнѣ* заале еси оу тыше *три̑ кжнѣ* а въ томъ *шесть кжнѣ* присъли : присъли же мою ї малюю нитокж ѣли не присолеши а ржти т.а хоцж:

Авторы публикации грамоты полагают, что ВП *три̑* является результатом «переразложения словоформ Р. *трыи* [тр-јь] и И. муж. *трыи* [тр-ѣ]: по аналогии с Р. *четырь*-ъ (и *четырь*-ь) и И. муж. *четырь*-е эти словоформы переосмысляются как [тр̑ј-ъ] и [тр̑ј-е]» [Янин, Зализняк 1998: 28]. В примерах XIV—XVI вв. *триими путми* (Комисс. НПЛ, под 1435 г.), *по тѣхъ триехъ* (Книги законные XV в.) и под. усматривается употребление той же обобщенной основы. И далее авторы отмечают: «Свидетельство грамоты № 776 поразительно тем, что оно на 250—300 лет старше, чем самые ранние из указанных примеров. Очередной раз берестяные грамоты показывают нам, сколь рискованно полагаться в вопросах хронологии на первые фиксации того или иного явления в традиционных памятниках, а также сколь превратно общее представление о том, что аналогические процессы, видоизменяющие древнерусскую морфологическую систему, возникают лишь в позднерусскую эпоху» [Янин, Зализняк 1998: 29].

Однако ВП *трии* фиксируется в книжной письменности гораздо раньше, чем в грамоте № 776:

понеже *трии* назыки и чetyри пом.анжль ѣсть ПсЧ XI, 106г; избавиль еси пламене *три*[u] благочъстивна оуноша Мин 1097, 76⁶; Сѣнце⁷ троичское жилище съдѣлавъ, *три*[u] съ(зъ)да цѣкви 18а.

Кроме того, вопреки приведенному выше указанию, форма МП *триехъ* с той же основой известна в книжной письменности уже во второй половине XIII в.: оѣъ и сѣъ и дѣъ · да мѣи сѣи въ тѣхъ *триехъ* водоу ѣако же рѣсте и лоуноу и ѡгна КР 1284, 264в.

Новая основа *тр̑ј*- рядом с исконной *тр*- является результатом внутрипарадигменного обобщения, которое представлено и в других типах склонения⁸. Так, формы ИП *жид-ове* и РП *жид-овѣ* в результате обобщения

⁶ Квадратные скобки внесены Ягичем.

⁷ И. В. Ягич отмечает, что *сѣнце* здесь вместо *сърдьце*.

⁸ Ср. позднерусские формы ТП с обобщенной основой *тр̑ј*-: приде же Коуриль печатникъ князя Данила. со *треими* тысящами нѣмецъ съ *трыими* сты коньникъ ЛИ ок. 1425, 267.

повторяющегося компонента *-ов-* образуют новую основу *жидов-*, которая употребляется рядом с исконной *жид-*. Ср. в ПсЧ XI, ПС к. XI и КЕ XII:

ИП: *жидове* бо злыи ть съвѣтъ. на сѣса сътвориша ПсЧ XI, 7г; **ВП:** (вместо исконного *жиды*) обрати *жидовы* къ истинѣ ПС к. XI, 119; **РП:** о нихъже великыи иаковъ рече. видиши ли брате. колико тьмъ ѣсть. вѣровавъшиихъ *жидомъ* ПсЧ XI, 11а; **ДП** (вместо исконного *жидомъ* < *жидьмъ*): мамедь нарицаемъ иже бесѣдова къ *жидовомъ* и хрѣстианомъ КЕ XII, 273b vs. поуща м.а. нѣ къ кымъ *жидомъ* ПС к. XI, 119; **МП** (вместо исконного *жидохъ* < *жидьхъ*): а съ. мьстьныи князь бѣ въ то врѣм.а. въ *жидовѣхъ* ПсЧ XI, 7в vs. о *жидохъ* ПС к. XI, 119; **ТП:** не записанъ *жидьми* ПсЧ XI, 15в.

7. ИП муж. р. *трии, три, четыре*

Позднее форма *трии* встречается также в ИП муж. рода, где ее появление можно объяснить влиянием субстантивных форм в составе квантитатива: *трии* си вѣрнии мѣници СлИп к. XII, 92в; *трии* си моужи 107а [Иорданиди, Крысько 2000: 164].

Такого же происхождения ИП муж. рода *четыри*:

и прочею · ꙗ · и *четыри* икоси УСт к. XII, 17; иакоже миноуша *четыри* м(с)ци СбУ XII/XIII, 8б.

Наиболее ранняя форма подобного типа была отмечена А. И. Соболевским [1907: 194] в Изб 1073: сице же иова разгнѣвавшѣ и осуждавѣше *три* дроузи ѣго · хотлахоу страшнѣоу пагоубоу приати 188а. Другая ранняя фиксация нового ИП муж. рода, которая приведена у Соболевского, к сожалению, является двусмысленной. В ней можно было бы признать, как это делает В. Б. Крысько [Иорданиди, Крысько 2000: 163—164], исконную форму жен. рода, согласованную с ИП мн. ч. *femininum братица*, однако причастная форма в контексте указывает на ИП мн. ч. *masculinum*. См.: нѣкогда поущени быхомъ *три* братица. на слоужбоу ПС к. XI, 9 об. В Злат XII на развитие ИП муж. рода *три* указывает отклонение от стандартной орфографии, когда написано е, а не ѣ, и написано над строкой: тожде и *три(е)* моужи иако ѣдинѣми оусты тако възъпиша 67 об. Ср. обобщенную форму И—ВП *три* в этом же памятнике: бѣ же ихъ въсѣхъ полонено *три дес.ате* моужь Злат XII, 72 об.

Формы приведенного типа связывают также с развитием номинативно-аккузативного синкретизма в субстантивном и адъективном склонении, которое, судя по берестяным грамотам, происходило уже в XII в. [Иорданиди, Крысько 2000: 164]. Ср. ИП муж. рода: *цьтри* бѣрьковьскъ ГрБ № 630 (20—50 XII).

8. РП *трею, трехъ*; ТП *трема*

Все инновации в области малых числительных обусловлены частеречными морфосинтаксическими факторами — взаимодействием квантитатива двух и малого квантитатива после утраты двойственного числа в середине XIV в. Наиболее ранние новообразования у малых числительных встретились в од-

ной западнорусской грамоте 1388 г.: *двумь* хрестьяномь; *трема* хрестьяны, а *трема* жиды добрыми ГрЮЗ № 45.

Форма ДП *двумь* указывает на обобщение дуальной косвеннопадежной основы и одновременно на обобщение флективного показателя малых числительных *тремь*, *четыремь*. Обобщение *-мь* способствовало распаду синкретизма Д—ТП. Устойчивость формы ТП *двѣма*, напротив, вызвала обобщение в ТП малых числительных бывшего дуального показателя *-ма*.

Несколько позднее форма *трема* встретилась в книжном употреблении: но *двѣма* или *трема* премногое число сказавъ ЖВИ XIV—XV, 51г.

В это же время в разговорной речи уже складывается новая форма со смягченным согласным в окончании *трим.а*. Она возникла в результате совмещения старой формы ТП на *-ми* и новой на *-ма*, а также обобщения флективного *-и*, представленного в И—ВП: *трѣми* + *трема* (+ И—ВП *три*) = *трим.а*⁹. См.:

доконцаль в порховѣ воєводамъ *трим.а* коробьями овсаними ГрБ № 540 (XIV/XV).

Под влиянием РП *двою* возникла форма *трею*, что подтверждается контекстуально:

въ оустѣхъ *двою* послуху. или *трею* АпТ к. XIV, 148; из.а змию *трею* локоть ЖВН XIV—XV, 976.

Безусловно, неслучаен тот факт, что в это же время появились новые формы РП *трѣхъ* вместо исконных *трии*, которые структурно тождественны отношениям синкретизма РП и МП в дуалисе *двою* или *дву*:

а то опроче того оурока *трѣхъ* соть ру(б) и дватцати ГрМ № 11 (1389); семьде(с)ть ру(б) бес *тре(х)* 12 (1389); єдиного бо сущья и ѣхъ собьствъ ГБ к. XIV, 191в; до *трѣхъ* днѣ СбПаис н. XV, 165 об.; до *трѣхъ* становъ ЛИ ок. 1425, 229; а всихъ лѣтъ ѿ р(ж)ства ѣ бес *трѣхъ* 242.

Предположение А. И. Соболевского [1910: 129] о равной древности РП *трии* и *трѣхъ* трудно принять. У самого Соболевского эта форма отмечается начиная со среднеболгарских текстов XIII в. Однако впервые она встречается гораздо раньше — в древнеболгарском памятнике второй половины XI в. — Енинском апостоле¹⁰:

сѣгаго мж(ч)ка севриана и сѣгы мжчениць трѣхъ Ен 293б, 3—4.

Несмотря на столь раннюю фиксацию, нет оснований усматривать в этом случае сохранение праславянского архаизма. Естественнее допустить инновацию, которая свидетельствует о влиянии местоименного склонения на малые числительные, тем более что оно не только не противоречи-

⁹ Такого же происхождения форма ДП *двѣм.а* (= *двѣма* + двоими): к *двѣм.а* *бортель* ГВНП № 122 (XV). Ср. аналогичное совмещение форм в развитии В—РП ед. личных и возвратного местоимений, которое отмечается с XIV в.: *м.а* + *мене* = *мен.а*, *т.а* + *тебе* = *теб.а*, *с.а* + *себе* = *себ.а*.

¹⁰ Эту форму указал мне В. Б. Крысько.

ло, но и соответствовало их морфосинтаксической природе, так как местоименное склонение имело как соседнее числительное *дѣва*, так и однокоренное собирательное числительное *трои*. Ср. примеры подобного влияния в древнерусских памятниках (по образцу местоименного склонения: МП *сихъ, троихъ*; ТП *сими, троими*):

по *четырихъ* бо десѣте днѣ всѣко ѿтроча жидовскоуе· приношаста родителя въ цркъвь ПрС XII/XIII, 135а; со *трими*. присѣлки ГрЮЗ № 64 (1394); приде же Коуриль печатникъ князѣ Данила. со *треими* тысящами нѣмецъ съ *трими* сты коньникъ ЛИ ок. 1425, 267.

Список источников

- Ап 1220 — Толковый Апостол (ГИМ, Син. 7) // Древнеславянский Апостол. Вып. 3, 4, 5: Послания св. апостола Павла к Коринфянам 2-е, к Галатам и к Ефесянам по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти шести рукописей Апостола XII—XVI вв. / Труд Г. Воскресенского. Сергиев Посад, 1908.
- АпТ к. XIV — Толстовский Апостол (РНБ, Q. п. I. 5) // Там же.
- БГД XIII — Беседы Григория Двоеслова на Евангелие. Рукопись РНБ, Погод. 70.
- ГБ XI — А. Б у д л о в и ч. XIII слов Григория Богослова, в древнеславянском переводе, по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875.
- ГБ к. XIV — 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Рукопись ГИМ, Син. 954 (по фотокопии).
- ГВНП (+ номер грамоты) — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гр 1229 сп. 1277—1279 (смол.) — Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., первая, готландская редакция, сп. А // Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
- Гр ок. 1255—1257 — Духовное завещание новгородца Климента // М. Н. Т и х о м и р о в, М. В. Щ е п к и н а. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- ГрБ (+ номер грамоты) — Грамоты берестяные // [Зализняк 1995; Янин, Зализняк 1998].
- ГрМ (+ номер грамоты) — [Московские грамоты XIV в.] // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- ГрЮЗ (+ номер грамоты) — Грамоты XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пешак. Київ, 1974.
- ЕвМилят к. XII — Евангелие-апракос Милятино. Рукопись РНБ, F. п. I. 7.
- ЕвМст к. XI — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983.
- ЕвР XI — Л. П. Ж у к о в с к а я. Реймское евангелие: история его изучения и текст. М., 1978.
- Ен — Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. / Изд. подгот. К. Мирчев, X. Кодов. София, 1965.
- ЖВИ XIV—XV — Житие Варлаама и Иоасафа. Рукопись РНБ, Соф. 1365 (по фотокопии).
- ЖВН XIV—XV — Житие св. Василия Нового, по стихному Прологу Чудова монастыря, XIV—XV вв. // С. Г. В и л и н с к и й. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты жития. Одесса, 1911.

- ЖНК к. XII — Житие Нифонта Констанцкого // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко. М., 1977.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71—135.
- ЖФСт к. XII — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко. М., 1977. С. 134—409.
- Злат XII — Златоструй. Рукопись РНБ, Ф. п. I. 46 (по фотокопии).
- Зоґр — Quatuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani / Edidit V. Jagič. Grac, 1954. (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe.)
- Изб 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880.
- Изб 1076 — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- КЕ XII — Кормчая Ефремовская // В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1—3. СПб., 1906—1907.
- КН 1285—1291 — Новгородская кормчая. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).
- Конд XII/XIII — Der altrussische Kondakar': Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar' / Hrsg. von A. Dostál und H. Rothe. T. 3—5. Giessen, 1977—1980.
- КР 1284 — Рязанская кормчая. Рукопись РНБ, Ф. п. I. 1 (по фотокопии).
- ЛИ ок. 1425 — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- ЛН XIII₂ — Новгородская харатейная летопись / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- Мин ок. 1095, Мин 1096, Мин 1097 — И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по рукописям 1095—1097 г. (Памятники древнерусского языка. Т. 1). СПб., 1886.
- Мин XIV—XV — Минья служебная, октябрь, XIV—XV вв. Рукопись РГБ, Тр.-Серг., № 30 (по фотокопии).
- МинД XI — Das Dubrovskij-Menäum: Edition der Handschrift F. п. I 36 (RNB) / Besorgt und komm. von M. F. Mur'janov; Hrsg. von H. Rothe. Opladen; Wiesbaden, 1999.
- Надп сер. XII (3) — Надпись на цере // Зализняк 1995: 26.
- ПНЧ XII сп. н. XIII — К. А. Максимович. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.
- ПрС XII/XIII — Софийский пролог. Рукопись РНБ, Соф., № 1324.
- ПС к. XI — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.
- ПсЧ XI — В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI в., отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе / Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1910.
- СавКн XI — И. Тот. Древнейшая русская часть Саввиной книги. Серед, 1995.
- СбПаис н. XV — Паисиевский сборник. Рукопись РНБ, К-Б 4/1081 (по Картотеке Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).
- СбТр XII/XIII — J. P o r o v s k i, F. J. T h o m s o n, W. R. V e d e r. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra), № 12): Text in transcription // Полата књигописна. 1988. № 21—22.
- СБУ XII/XIII — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе.
- СлИп к. XII — Слово Ипполита об антихристе. Рукопись ГИМ, Чуд. 12.

- Ст. Р. (+ номер грамоты) — Берестяные грамоты из Старой Руссы // Зализняк 1995.
 Супр — Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова // Памятники старославянского языка. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1904.
 УСт к. XII — Устав студийский церковный и монастырский, конца XII в. // А. М. П е н т к о в с к и й. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Л и т е р а т у р а

- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
 Ван-Вейк 1957 — Н. В а н - В е й к. История старославянского языка. М., 1957.
 Вейсман 1899 — А. Д. В е й с м а н. Греческо-русский словарь. СПб., 1899.
 Жолобов 1990 — О. Ф. Ж о л о б о в. Вариантность и текст // Словообразование. Стилистика. Текст. Казань, 1990. С. 83—91.
 Жолобов 1998 — О. Ф. Ж о л о б о в. Композиция текста и грамматическая реконструкция // Язык и текст / Проблемы исторического языкознания. Вып. 5. СПб., 1998. С. 25—40.
 Зализняк 1995 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 1995.
 Иорданиди, Крысько 2000 — С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Множественное число именного склонения // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1. М., 2000.
 Крысько 1994 — В. Б. К р ы с ь к о. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
 СДРЯ I—VI — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—6. М., 1988—2002.
 СлРЯ XI—XVII 1—25 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—25. М., 1975—2000.
 Соболевский 1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
 Соболевский 1910 — А. И. С о б о л е в с к и й. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. 1—34 // Русский филологический вестник. 1910. Т. 64. С. 102—149.
 Срезн. I—III — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1903.
 ССС 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
 Фасмер I—IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. М., 1986—1987.
 Янин, Зализняк 1998 — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 26—42.
 Hamp 1973 — E. P. H a m p. (For Roman, who is always) number one // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1973. Vol. 16. P. 1—6.
 Kopečný 1981 — F. K o p e č n ý. Základní všeslovanská zásoba. Praha, 1981.
 Vaillant 1958 — A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves. T. 2: Morphologie. 2. pt.: Flexion pronominale. Lyon; Paris, 1958.